

Ю. Слово о полку Игореве. М., 1984. II. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. СПб., 1893, 1895, 1903. Т. 1-3. 12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964, 1967, 1973. Т. 1-4. 13. Храпченко М.В. Размышления о системном анализе литературы // Кон. экст.-1975: Литературно-теоретические исследования. М., 1977. С. 37-59.

Стаття надійшла до редколегії 26.03.92

S u m m a r y

This paper deals with historical-typological comparison of "The Song of Igor's Campaign" with the "Song of Roland" and "Song of Nibelunges". These poems were typologically compared on the basis of linguistical distinctive features /DF/. The analysis of hierarchical structure of textual lexico-semantic paradigm and their frequencies showed their typological similarity and proved the identity of "The Song of Igor's Campaign",.

Тадаси Накамура,
г. Саппоро /Япония/

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА НОВУЮ ЯПОНСКУЮ ПРОЗУ

"Надо забыть Чехова. Иначе, я больше не сделаю ни одного шага вперед. Если я не забуду его взгляд с горькой улыбкой на жизнь и человека, я не смогу пережить нынешнее время". Это не слова русского человека, а цитата из сочинения известного японского критика.

Русская литература играла конструктивную роль в возникновении и развитии современной японской литературы. Она формировалась под сильным влиянием европейской. На первый взгляд, воздействие русской литературы на японскую является только частью данного явления. Но это не так. Японский литератор воспринимает русскую литературу иным образом, чем другие европейские писатели. В Японии интеллигенты говорят о Чехове, Толстом и Достоевском так, как будто они писатели их страны. Для японцев русская литература всегда была не только объектом художественного восприятия. Они считали своими

© Накамура Тадаси, 1993

проблемы, поставленные русскими писателями. Каждый раз, мучаясь собственными общественными противоречиями, перечитывали русскую литературу и находили в ней своих предшественников.

В данной статье ограничимся периодом с 1868 г. по настоящее время. В Японии мы пользуемся специфической хронологией, основанной на царствовании императоров. В статье также будем разделять время по этому принципу. Соотношение с европейским летоисчислением таково: 1/ эра Мейдзи /1868-1912/; 2/ эра Тайсё /1912-1926/; 3/ первая половина эры Сёва /1927-1945/; 4/ вторая половина эры Сёва /1945-1989/.

В нашем обзоре мы исключаем поэзию, потому что влияние русской поэзии на японскую было очень слабым из-за большой разницы между русской и японской грамматиками и фонетиками.

1. Эра Мейдзи /1868-1912/

Современная эпоха в Японии началась с Реставрации Мейдзи в 1868 г. Новое правительство поняло трудности дальнейшего поддержания феодализма и изменило курс на централизацию власти и развитие промышленности. Вследствие этого японское общество быстро изменилось.

Для нового правительства, главной задачей которого было превращение Японии в империю, слово "модернизация" означало полное подражание Европе. Один из представителей общественного мнения того времени Фукудзава Юкичи /1834-1901/ в книге "Краткий очерк цивилизации" /1875/ сравнил восточную цивилизацию с западной. Он посоветовал японцам узнать, насколько Япония отстала в своем развитии, и подражать Западу. По его мнению, европейская цивилизация была конечным пунктом человечества. Фукудзава и другие просветители знакомили японцев с европейской мыслью и литературой. А молодые интеллигенты учились европейским языкам и старались читать в оригиналах европейские книги. Можно сказать, что самосознание японских интеллигентов формировалось не столько общественными условиями, сколько непосредственным соприкосновением с европейской мыслью, и поэтому было достаточно абстрактным.

Конфликт духовного самосознания интеллигенции с еще в значительной степени феодальным обществом стал той почвой, на которой возникла современная литература Японии.

Первым писателем, сознательно выразившим это в литературном произведении, был Футабаты Симей /1864-1909/. В его первом романе "Плывущее облако" /1887-1889/ подробно изображается пробуждение

современного самосознания героя Бундзоу, его конфликт с людьми и уход из общества. Общий замысел своего романа Футабатеи определил так: "Изображение внутреннего мира человека и общей тенденции развития Японии". Можно сказать, что его намерение в некоторой степени увенчалось успехом. "Плывущее облако" — первое произведение современной японской литературы потому, что автор сознательно показал противоречия между личностью и обществом.

Футабатеи Симей достиг этого благодаря русской литературе XIX в. Изучив русский язык, он прочитал произведения Гоголя, Гончарова, Тургенева и других писателей в оригинале. В статье "Общий очерк о романе" /1886/ под влиянием Белинского и Добролюбова он разработал теорию "настоящего реализма". Литература для него — средство поиска правды; писатель выступил против традиционной в Японии концепции литературы как развлечения.

Кстати, Футабатеи был первым переводчиком русской литературы на японский язык. Из переведенных им рассказов особенно интересными являются "Свиданье" Тургенева. Именно этот перевод показал возможности изображения природы в прозе. До этого в Японии природа, пейзаж воспевались только в поэзии. Рассказ "Поле Мусасино" /1898/ Куникида Doppo /1871—1908/ написан под непосредственным влиянием этого перевода.

В связи с романом "Плывущее облако" следует отметить, что Футабатеи определил положение и характер героя, исходя из мотива "лишнего человека" русской литературы XIX в. Это не случайно. Один из японских интеллигентов того времени, Футабатеи Симей мучился несовершенством общества, угнетавшим его самосознание. В русской литературе XIX в. Футабатеи Симей видел своих предшественников. Долгое время после Футабатеи на японскую литературу оказывал влияние мотив "лишнего человека", заимствованный из русской литературы XIX в.

Обратимся к роману Симдзаки Тоусон /1871—1943/ "Нарушение заповеди" /1906/. Это первое произведение социального реализма в Японии. Его герои происходят из самых низов общества. Автор хотел доверить свое отчужденное самосознание людям, униженным обществом. Во время работы над романом он, несомненно, вдохновлялся романом Достоевского "Преступление и наказание". Обратим внимание на сходство персонажей обоих романов. Тоусон понял "Преступление и наказание" с помощью статьи Мережковского "Толстой и Достоевский". Легко сделать вывод, что в это время Тоусон был заинтересован не

противоречиями общества, а собственным самосознанием, самосознанием отчужденного человека.

У японских писателей того времени не было того критицизма, какой был у русских в XIX в. Японские писатели были больше заинтересованы своим внутренним миром. Это как раз совпадает с традиционным мотивом японской литературы — мотивом "неделового человека".

"Неделовые люди", с одной стороны, "отстраняют" общество своим самоопределением, "внеобщественным" существованием. У них сохраняется критицизм в отношении установившегося авторитета или морали, и им достается сильный оппозиционный пафос. Но, с другой стороны, "неделовые люди" теряют объективный взгляд на себя в тех или иных общественных условиях. Действительно, с точки зрения влияния на последующих писателей, рассказ "Постель" /1907/ Таямы Катай /1871—1930/ по сравнению с "Нарушением заповеди" имеет историческое значение. В рассказе подробно повествуется о духовном и физическом влечении писателя к своей ученице. И герой почти полностью совпадает с самим автором. Из-за этого совпадения рассказ лишился объективного взгляда на общество, обрел сильный субъективный пафос. После этого рассказа было опубликовано много подобных произведений. В конце концов, японская литература превратила импортированный из русской литературы мотив "лишних людей" в традиционный мотив "неделовых людей". После окончания русско-японской войны /1904—1905/ японское правительство считало, что цель европеизации в некоторой степени достигнута и взялось за переформирование общественного настроения. Одним словом, это была попытка ввести патриархат, который для интеллигенции был ни чем иным, как угнетением современного самосознания. В то время приобрели популярность произведения о свободной любви и половом влечении: "Vita Sexualis" /1909/ Мори Оугай /1862—1922/, "Преданность" /1909/ Ивано Хоумей /1873—1920/, "Письмо жене, которая рассталась со мной" /1910/ Тикамацу Сюкю /1876—1944/ и др.

Для писателей интерес к подобным вещам стал своеобразной негативной реакцией на государственную мораль. Итак, чтобы понять, почему так горячо приняли Андреева и Арцыбашева в конце эры Мейдзи, необходимо помнить об общественных условиях того времени.

Правительство, пользуясь "случаем большой измены", вскоре сбилось оппозиционный дух писателей. В 1911 г. правительство выдумало якобы имевший место заговор с целью убийства императора социалистами и анархистами. 12 человек были казнены, в том числе

Коутоку Сюсуй /1871-1911/, имевший дружеские отношения со многими писателями. Интеллигенция была напугана. Писатели отвернулись от проблем общества и государства, ограничив поле зрения только окружающим узким мирком. Их произведения утратили дух оппозиционности по отношению к существующему порядку. Стало преобладать вульгарно-объективное изображение без глубокого размышления и критицизма.

Исикава Такубоку /1867-1912/ назвал эту мрачную эру "закрытым периодом". Он стал искать выход из создавшегося положения. Его заинтересовали народники и движение эсэров в России. Он писал стихи, до сих пор популярные в Японии, и заслуживает звания единственного народного поэта в истории японской литературы.

2. Эра Тайсё /1912-1926/

В конце эры Мейдзи правительство усилило давление на политическую и идейную оппозицию. Однако в сравнительно мирном и спокойном обществе правительство постепенно смягчило контроль над оппозиционерами. До "серебряной эпохи" русская литература систематически переводилась на японский язык непосредственно с русского. Раньше японские интеллигенты знакомились с русской литературой главным образом по переводам с английского. Нобори Сёму /1889-1958/, Ёнекава Масао /1891-1965/ и другие переводчики интенсивно переводили современников - Блока, Белого, Бальмонта и др. Наибольшее внимание читателей того времени привлекал Л.Толстой.

Мусякюдзи Санаэцу /1885-1975/, Нагаё Ёсиро /1888-1961/ и другие писатели печатались в журнале "Сиракаба /Береза/" /1910-1923/ и называли себя толстовцами. Они были недовольны вульгарно-объективной литературой конца эры Мейдзи и отстаивали гуманизм как идею. Для них Л.Толстой был "учителем жизни", и они старались познакомиться молодое поколение с его произведениями. Представители этой школы верили в то, что идеальное общество может образоваться вследствие неограниченного расширения человеческого "я", если каждый человек будет гармонично образован по "воле человечества". Конечно, им недоставало познания реальной жизни, в которой человек не может жить без строгого ограничения своего "я". Они понимали Толстого во-всему, буквально приняли его предложения после "Исповеди". А поскольку у них не было традиции христианства, они не могли до конца осознать многие мучения русского писателя, считали его творчество безусловным подтверждением человеческих качеств. Такое по-

нимание Толстого было лавным в течение всей эпохи Тайсё. Это типичное явление в истории японской современной культуры: не реформировать себя со. ликосновением и сопротивлением с другими культурами, а наоборот, перекраивать их по своей мерке.

Достоевского японцы не противопоставили Толстому, а считали писателем, который находится "на линии" Толстого. Для некоторых поэтов и писателей того времени Соня из "Преступления и наказания" с её духом самопожертвования была идеальной женщиной. Прототип Сони можно заметить в стихотворениях Муруо Саисеи /1889-1962/ и в рассказе "Проститутка" /1925/ одного из представительных писателей "Пролетарской культуры" Хаяма Йосики /1894-1945/.

Писатели - наследники течения "объективной повести" берегли традицию "неделовых людей": строить свою реальную жизнь вне общества и детально изображать ее. Так возникло специфическое явление японской литературы - "личный роман", в котором почти совпадают автор и герой, теряется объективный взгляд автора на героя. Здесь следует выделить Хиросу Кадазуо /1891-1967/, который, используя метод "личного романа", в то же время сохранил в своем творчестве взгляд на общество и идейность. Он увлекался Чеховым и перевел несколько его рассказов с английского языка. Критик Хиросу определил суть чеховского героя как "трагедию человека с разрушенным характером". Этот термин характеризовал людей, которые утратили энергичность и независимость в ухудшающихся общественных условиях и только пассивно реагировали на окружающий мир. Хиросу считал интеллигентов эры Тайсё людьми с "разрушенным характером" и себя - таким же человеком.

Положение японского общества медленно, но необратимо ухудшалось /экономическая депрессия, забастовки крестьян и рабочих, разрушение Токио вследствие землетрясения и т.д./ . Идеи русской революции 1917 г. постепенно оказывали влияние на интеллигенцию Японии. Некоторые писатели, находившиеся под влиянием литературной школы "Сиракаба", даже перешли на социалистическую платформу. Известный писатель Арисима Такео /1876-1923/ уже давно был увлечен идеями социализма: во время пребывания в Лондоне он посетил Кропоткина, затем попробовал подражать стилю Горького в рассказе "Визгливые насекомые" /1910/. Арисима бесплатно передал свое поместье крестьянам, но, в конце концов, написал: "У меня, барина по происхождению, нет права участвовать в революции будущего нового общества". и покончил жизнь самоубийством. Акита Ужак /1883-

1962/ и другие христианские гуманисты стали марксистами. Разночинцы, например, писатель Хаяма Йосики, критик Аоно Суэйоси /1890-1961/, именно в это время начали свою деятельность. Символическим событием стало самоубийство писателя Акутагава Ляunosукэ /1892-1927/, который развивал теорию "искусства для искусства" в течение всей эры Тайсё. Но на закате жизни Акутагава признал новое литературное поколение и счел свои произведения "отсталыми". Вскоре после начала эры Сёва произведения "пролетарской литературы" пости полностью заняли страницы литературных журналов.

3. Первая половина эры Сёва /1927-1945/

В Японии пролетарская литература процветала с 1925 по 1933 г. Количество произведений и тиражи были выше, чем в Германии 20-х годов. Теоретическим руководителем движения стал Курахара Корехито /1902-1989/. В 1925-1926 гг. он жил в Москве и наблюдал за процессами в советской литературе того времени. После возвращения в Японию Курахара пытался подчинить литературное движение влиянию компартии Японии, вызвав недовольство писателей таким "нелитературным" курсом.

"Пролетарская литература" не дала выдающихся художественных произведений. Исключение составляют только рассказ "Весенний ветер" /1928/ Накано Сигехару /1902-1979/ и повесть "Снегозащитные насаждения" Кобаяси Такидзи /1902-1933/, опубликованная после смерти автора. Историческое значение этого движения заключается в том, что оно оказалось антитезисом к существовавшей литературе. Пролетарское движение вернуло литературу к общественным проблемам и "идейности". Однако эти качества схематически проявились в произведениях в результате некритического "импорта идеологии" из СССР.

Само революционное движение в Японии было не столько политическим, сколько моральным. Интеллигенция стремилась к органической связи с обществом, преодолению своей оторванности от него, вызванной популярной традицией "неделового человека". У интеллигенции того времени не хватало интереса к собственному внутреннему миру.

В этот период на японский язык активно переводилась молодая советская литература /Фадеев, Гладков, Шолохов, Маяковский, Леонов, Пильняк и др./. В первые десять лет эры Сёва интерес к советской культуре усилился настолько, что вскоре японцы были

ознакомлены, например, почти с каждой ночью театральной постановкой Мейерхольда. В этот период даже представитель "искусства для искусства" Дзиндзай Киёси /1903-1957/ переводил Бабеля и других "попутчиков".

Постепенно сторонники "пролетарской литературы" пришли к своеобразному пересмыслению, "самопроверке" своего прошлого. Они сделали вывод: их стиль слишком схематичен. Эти писатели уделяли внимание в основном следующим двум направлениям:

1. Реализм, отражающий жизнь народа. Так, Хаяма Йосики оставил в 1934 г. спокойную жизнь Токио, бродяжничал в горах. Работая поденщиком, он опубликовал "Люди в горах" /1938/, "Мутный поток" /1940/ и другие произведения, в которых чувствуется его интерес к жизни люмпенпролетариата. В юности Хаяма мечтал жить так, как Челкаш, зачитывался ранними романтическими рассказами Горького. Как грубое произведение данного направления можно отметить роман "Река Исикари" /1938-1939/ Хонжеу Муцуо /1906-1939/.

2. Автобиография. Рассказ "Первая г. мять" /1937/ Токунага Сунао /1899-1958/, тилогия "Прощание с песней" /1940/ Накано Сигехару стали достижениями этого направления. Токунага в статьях часто вспоминал Горького и настаивал на "возвращении к Горькому".

Интересно, что открытие I съезда Союза писателей /1934/ не оказало никакого влияния на участников движения "пролетарской литературы". Они уже пережили разрушение всей идеологии. В творчестве Горького, например, их привлекала не "Мать", а романтические, автобиографические произведения писателя.

В этот период огромный интерес у интеллигенции вызывали произведения Достоевского, особенно после перевода "Философии трагедий" Л. Шестова в 1934 г. Поэтому можно говорить, что японцы тогда прини- или Достоевского в интерпретации Шестова. Для "потерянного поколения" Японии Достоевский стал писателем, до конца обнаружившим отчаяние и нигилизм маленького человека. Японцы зачитывались, в частности, "Записками из подполья", а Ставрогин и Иван Карамазов были любимыми героями. Типичное представление интеллигенции того времени о Достоевском содержится в статье "Жизнь Достоевского" критика Кобаяси Хидео /1902-1982/. Мотив "Записки из подполья" и интерес Достоевского к городской трущобе оказали влияние на повесть "Зимний дом" /1936/ Абе Томодзи /1903-1976/, повесть "Фуген" /1936/ Исикова Тэюн /1899-1963/, повесть "Под какой звездой?" /1939-1940/ Таками Дзюн /1906-1965/ и на многие другие художественные произведения того времени. В общественной

обстановке разгрома идейного движения и подъема милитаризма, одиночества и недоверия, потери надежд на будущее интеллигенты "потерянного поколения" находились в духовном состоянии, близком к "подпольному".

4. Вторая половина эры Сёва /1945-1989/

"Послевоенная школа" - под таким общим названием принято объединять писателей, которые активно работали в 1945-1950 гг. /период между поражением Японии и началом корейской войны/. В это время Токио и многие другие города страны превратились в руины в результате землетрясения, процветал черный рынок и проституция, улицы были полны нищих и бродяг. В таком хаосе писатели, принадлежавшие к "послевоенной школе", исследовали сущность человека. Они принадлежали к поколению 30-х годов, испытавшему крах революционного движения.

Влияние Достоевского является существенным элементом литературы "послевоенной школы". Сиина Риндзо /1911-1972/ писал даже, что никакого влияния японской литературы на себе не ощутил, а разбудил его Достоевский. Его ранние произведения /рассказ "Полномочный банкет" /1947/, повесть "Вечный пролог" /1948 и др./, действительно, можно считать продолжением тем и мотивов великого русского писателя. Незаконченный роман "Мертвая душа" /1946/ Ханья Ютака /род. 1910/ большей частью состоит из абстрактных диалогов между двумя персонажами. По словам автора, он пытался пародировать Петра Верховенского и Ставрогилла /"Бесы"/. Подобным образом Нома Хироши /1915-1991/ заставил одного из персонажей рассказа "Одшеница разрушения" /1948/ говорить и поступать так же, как Кириллов.

Литература "послевоенной школы" достигла специфического качества: абстрактный и экзистенциальный стиль без определенной идеологии, пристальное рассмотрение внутреннего мира человека. Следует учитывать и своеобразное положение общества: поражение в войне, хаос жизни и разрушение всяческих авторитетов. Со стабилизацией общества, восстановлением экономики после 1950 г. "послевоенная школа" постепенно теряла своих приверженцев. Влияние русской литературы на японскую постепенно уменьшается. Впоследствии в Японии усиливается интерес к произведениям, изображающим психологию и чувства людей в обыденной жизни. В последние годы

Нью-Йоркская литературная школа /США/ оказывает большое воздействие на японскую литературу.

Перевод выдающихся произведений русских писателей — от Шолохова, А. Толстого, Эренбурга до Айтматова и Солженицына — по-настоящему начался только после второй мировой войны. Однако японцев интересовала советская литература, главным образом, с политической точки зрения. Например, "Оттепель" Эренбурга, "Один день Ивана Денисовича" Солженицына стали предметами обсуждения в Японии потому, что были поняты как отражение политического положения в СССР. А перевод романа Булгакова "Мастер и Маргарита" получил только небольшой отклик у читателей.

Бума на советскую литературу после начала перестройки в Японии также не наблюдается. Если "Плаха" Айтматова, "Дети Арбата" Рыбакова, некоторые произведения деревенской прозы переводились, то Петрушевская или Битов вообще неизвестны японским читателям.

Однако не угасает интерес к советской филологии. В Японии широко известны теории формалистов, Бахтина и тартуской школы, которые дают импульс творчеству таких писателей нашего времени, как Оуз Кензабуро /род. 1935/, Симада Масахико /род. 1961/.

Итак, мы проследили историю новой японской литературы с точки зрения влияния на нее русской литературы, упомянули почти обо всех литературных школах, — столь велико влияние русской литературы на японскую.

Модернизация осуществлялась в Японии не так равномерно и постепенно, как в Европе. Страна, почти 300 лет, не имевшая никаких отношений с заграниц. А, внезапно начала сплошную европеизацию общества. Вследствие этого в культуре произошел сильный разрыв между элементами традиционными и импортированными из Европы. В своих произведениях современные японские писатели уделяют большое значение поиску ответов на вопросы: "как жить?" и "что делать?". Именно поэтому японская интеллигенция охотнее читала русскую литературу, чем западноевропейскую.

Соотношение литератур обеих стран не всегда было синхронным. Например, в 1939—1940 гг. японская интеллигенция зачитывалась Достоевским, но такой интерес не был ни научным, ни систематическим. В большинстве случаев рецензии японцы очень субъективно интерпретировали русских писателей. Примером может служить понимание творчества Л. Толстого представителями литературной школы "Сиракаба".

Таким образом, влияние русской литературы на японскую отражает специфические черты самой японской литературы и культуры.

Статья надійшла до редколегії 04.01.92

З у м о в а м

The article is dedicated to the little known for the Russian professional reader questions of Russian literature influence on the new Japanese prose. Perception of the Russian material (I. Turgenev, L. Tolstoy, F. Dostoevsky) by the Japanese literary men (Futabatei Simey, Tayafe Katay, Nagaya Ejiro) is given in the context of the concrete historical changes in the literary process of Japan.

В. М. Тихомиров, проф.,
Н. Б. Мантуло, асп.,
Запорожский университет

А. И. ГЕРЦЕН И ФРАНЦУЗСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ
/ВОЛЬТЕР, РУССО/

На связь Герцена с просветительской идеологией и эстетикой, в частности французской, указывали в своих трудах Я. Эльсберг, Г. Поспелов, Л. Гинзбург, Л. Матюшенко, В. Туниманов, Л. Ланский и другие советские исследователи. [3, с. 22, 76-77; 4; 5, с. 161, 165, 167, 170, 172; 6, с. 125; 8, с. 241, 259; 9, с. 184-185]. Однако указания этих ученых, несмотря на ценность, остаются лишь отдельными замечаниями и наблюдениями. Назрела необходимость посвятить исследованию данной проблемы специальную работу.

Своеобразие Герцена, его притяжение и отталкивание от просветительства лучше всего выявляются при сопоставлении общественно-политической и эстетической позиции русского писателя с позицией французских просветителей. Именно французская прогрессивная мысль XVIII ст. в непримиримой борьбе с феодальными отношениями выработала основные очертания просветительской идеологии, получившей широкое распространение в других европейских странах, в том числе в России XVIII-XIX ст.

© Тихомиров В. М., Мантуло Н. Б., 1993